

СУДЕБНАЯ КОНТРРЕФОРМА ИЛИ КРИЗИС СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 70–80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы)

© 2012 г. Алексей Андреевич Демичев¹

Краткая аннотация: в статье предлагается новый подход к решению остающейся дискуссионной в течение нескольких десятилетий в научной литературе проблеме судебной контрреформы 70–80-х годов XIX в. Автор предлагает рассматривать судебные преобразования 70–80-х годов XIX в. в качестве кризиса судебной системы, т.е. переходного состояния от модели Судебных уставов 1864 г. к законодательству, реально приспособленному к российскому государственному строю и соответствующему российской ментальности.

Annotation: in article the new approach to the decision remaining debatable within several decades in the scientific literature is stated to a problem of judicial counterreform of 70–80th of XIX century. The author's suggests to consider judicial transformations of 70–80th XIX century as crisis of judicial system, i.e. a transition state from model of Judicial charters of 1864 to the legislation really adapted for the Russian political system and corresponding to the Russian mentality.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., судебная контрреформа, кризис судебной системы.

Key words: judicial reform of 1864, judicial counterreform, crisis of judicial system.

Одной из сложных проблем отечественной историографии остается поставленный еще в 60-е годы XX в. вопрос о судебной контрреформе.

Впервые термин “контрреформа” применительно к судебным преобразованиям 80–90-х годов XIX в. был использован русским историком А.А. Кизеветтером в книге “История России в XIX веке”, вышедшей в 1909–1910 гг. Ученый писал: “В 80-х и 90-х гг. 19 ст., хотя Судебные уставы Александра II не были заменены новыми уставами, тем не менее, рядом сепаративных указов, т. наз. новелл, был внесен в Судебные уставы Александра II дух противоположных начал, что в совокупности эти новеллы представляли собою контрреформу...”². Однако в начале XX в., как таковая, концепция судебной контрреформы сформулирована не была.

Сделано это было только в конце 60-х и 80-е годы XX в. в работах саратовских юристов и историков Б.В. Виленского, Н.А. Троицкого, М.В. Немытиной и др.³ Наиболее ярко концепция

судебной контрреформы нашла отражение в монографии Б.В. Виленского “Судебная реформа и контрреформа в России”. Именно Б.В. Виленский первым в советский период поставил вопрос о судебной контрреформе в России и положил начало продолжающейся и сегодня дискуссии.

Под судебной контрреформой Б.В. Виленским понималось принятие ряда нормативных актов, которыми “были фактически перечеркнуты основные демократические институты Судебных уставов 20 ноября 1864 года”⁴. Контрреформа, по мнению ученого, охватила различные стороны судебной реформы 1864 г.: мировой суд, суд присяжных, принцип публичности заседаний и пр. При этом основной упор делался на то, что правительство пыталось уничтожить демократические судебные институты. Например, под контрреформой в области суда присяжных имелся в виду пересмотр Судебных уставов 1864 г., направленный на ограничение и по возможности ликвидацию рассмотрения дел с участием присяжных заседателей⁵.

Вслед за саратовскими учеными концепцию судебной контрреформы поддержали и специалисты из других регионов. В 70–80-е годы XX в. данная концепция нашла развитие в трудах Е.Н. Кузнецовой, Ю.Г. Галая, Ф.А. Ишкулова, А.Е. Скрипи-

¹ Профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук (E-mail: aadem@bk.ru).

² Кизеветтер А.А. История России в XIX веке. Ч. 2. М., 1909–1910. С. 181.

³ См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979; Немытина М.В. Судебная контрреформа и комиссия Н.В. Муравьева. Дисс ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987 и др.

⁴ Виленский Б.В. Указ. соч. С. 3.

⁵ См.: там же. С. 305.

лева, Н.Н. Ефремовой, Н.М. Корневой и других ученых⁶.

По мнению Ю.Г. Галай, «термин “контрреформа” в судопроизводстве следует понимать не как единичный правительственный акт, повлекший за собой важнейшие изменения в судебной реформе, а как серию многолетних законодательных и административных мероприятий, значительно изменивших первоначальные судебные принципы»⁷.

Еще менее жесткую позицию заняла Н.М. Корнева: “Под судебной контрреформой следует понимать пересмотр основных положений Судебных уставов, направленный на их ликвидацию, в результате которого основные принципы судебной реформы 1864 г. были ограничены, но не уничтожены. Последнее обстоятельство свидетельствует лишь о незавершенности контрреформы”⁸.

Причины судебных преобразований рассматривались учеными как следствие “роста революционного движения в стране и возникновения второй революционной ситуации”⁹, а их корень виделся в политических процессах 70 – 80-х годов XIX в.¹⁰ Подобные мысли были высказаны и Ю.Г. Галаем: “Говоря об изменениях в судебных уставах, необходимо помнить, что они имели политический характер и проводились правительством с целью обеспечения более эффективных способов борьбы с нарастающим революционным движением”¹¹.

Кроме того, Б.В. Виленский отмечал, что “новый суд вошел в вопиющее противоречие с самодержавно-чиновничьим строем России, крепо-

стническими порядками, только в самом общем виде поколебленными”¹².

По мнению Б.В. Виленского, программа судебной контрреформы была сформулирована К.И. Паленом, Д.А. Толстым и К.П. Победоносцевым. Она включала в себя:

- 1) ликвидацию независимости суда и несменяемости судей;
- 2) ограничение и ликвидацию гласности;
- 3) ограничение состязательности и права на защиту;
- 4) сужение сферы деятельности суда присяжных и расширение компетенции суда сословных представителей;
- 5) ликвидацию мировой юстиции¹³.

Б.В. Виленский полагал, что эта программа была во многом реализована на практике, т.е. судебная контрреформа была проведена. В частности, “судебная контрреформа: а) существенно изменила порядок расследования и судебного рассмотрения политических преступлений и ограничила права подсудимых; б) ограничила и частично отменила такие демократические институты, как независимость и несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства, рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей и право подсудимого на защиту; в) почти упразднила мировую юстицию, осуществила слияние в низшем звене административной власти с властью судебной”¹⁴.

Среди ученых, полагающих, что в России была проведена судебная контрреформа, отсутствовало единое мнение по поводу времени, когда это произошло.

Как мы уже говорили, А.А. Кизеветтер, введенный в научный оборот термин “судебная контрреформа”, относил это явление к 80–90-м годам. Аналогичную позицию заняла в своей кандидатской диссертации Е.Н. Кузнецова¹⁵.

⁶ См.: Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80–90-х годов XIX века в России (Государственно-правовая характеристика). Дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1977; Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX в. (1866–1879). Дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1979; Ишуков Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Уфа, 1979; Скрипильев А.Е. Об одной стороне судебной контрреформы в России // Сов. гос. и право. 1983. № 9; Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917. Историко-правовое исследование. М., 1983; Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990 и др.

⁷ Галай Ю.Г. Суд и административно-полицийские органы в пореформенной России (1864–1879 годы). Н. Новгород, 1999. С. 122. В основу данной монографии, вышедшей в постсоветский период, положена кандидатская диссертация автора.

⁸ См.: Корнева Н.М. Указ. соч. С. 28.

⁹ Виленский Б.В. Указ. соч. С. 305.

¹⁰ См.: Ефремова Н.Н. Указ. соч. С. 110.

¹¹ Галай Ю.Г. Суд и административно-полицийские органы в пореформенной России (1864–1879 годы). С. 122.

¹² Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. С. 18. Впервые подобная мысль была высказана еще дореволюционным юристом И.В. Гессеном, который писал: “С первых дней обнаружилось, что новый институт (имеется в виду вся судебная реформа 1864 г. – А.Д.) вошел в государственный организм инородным телом, которое по общему физиологическому закону должно быть ассимилировано или отвергнуто” (см.: Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 142).

¹³ См.: Виленский Б.В. Указ. соч. С. 275.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б.В. Виленского. С. 20.

¹⁵ См.: Кузнецова Е.Н. Указ. соч.

Родоначальник концепции судебной контрреформы Б.В. Виленский относил время проведения контрреформы к 70–80-м годам XIX в. По его мнению, первым актом судебной контрреформы являлся закон от 19 мая 1871 г., изымавший дела о государственных преступлениях из общего порядка судопроизводства, а завершающими актами – закон о земских начальниках от 12 июля 1889 г. и Закон о производстве дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям, от 29 декабря 1889 г.¹⁶ К 70–80-м годам XIX в. относят время проведения судебной контрреформы также Н.А. Троицкий и Н.Н. Ефремова¹⁷.

Соглашаясь с тем, что реализация контрреформы началась в 1871 г., Т.У. Воробейкова и А.Б. Дубровина высказали интересное мнение по поводу акта ее завершающего. Таковым, как они полагают, стал Закон 1892 г., регламентировавший объявление местностей Российской империи на военном положении¹⁸. А.Е. Скрипилев, соглашаясь с первой хронологической границей судебной контрреформы, сдвигает дату окончания к 1881 г., ознаменовавшемуся принятием 14 августа Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия¹⁹.

Еще ближе к моменту введения в действие Судебных уставов 1864 г. относит проведение судебной контрреформы Ю.Г. Галай. По его мнению, “за период с 1866 по 1879 г. произошло столько серьезнейших изменений, сколько не было до конца XIX в.”²⁰, т.е. контрреформа проводилась одновременно с судебной реформой и завершилась уже в 1879 г.

Н.М. Корневой была предпринята единственная попытка создания периодизации судебной контрреформы в России. В истории судебной контрреформы в России ею выделяется три основных этапа:

1. 1866–1885 гг. – период частичных изменений положений Судебных уставов 1864 г. под различными предлогами.

¹⁶ См.: Виленский Б.В. Указ. соч. С. 311, 359–368.

¹⁷ См.: Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979. С. 50–54; Ефремова Н.Н. Указ. соч. С. 123.

¹⁸ См.: Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев, 1973. С. 60, 61.

¹⁹ См.: Скрипилев А.Е. Указ. соч. С. 120.

²⁰ Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX в. (1866–1879). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 17–19.

2. 1885–1894 гг. – попытка проведения судебной контрреформы путем изменений отдельных положений Судебных уставов по заранее намеченному плану.

3. 1894–1905 гг. – работа комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, редактирование проектов комиссии в Министерстве юстиции и обсуждение проектов новой редакции Судебных уставов в Государственном совете²¹.

Таким образом, Н.М. Корнева предложила наиболее широкие хронологические рамки судебной контрреформы, охватывающие не только весь период практической реализации судебной реформы (1866–1899 гг.), но и время до 1905 г.

Концепция судебной контрреформы не была принята многими исследователями (как правило – историками). Против нее выступили представители Московской исторической школы П.А. Зайончковского (П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, В.А. Твардовская, А.К. Афанасьев и др.)²².

Так, А.К. Афанасьев в своей диссертации писал, что «понятие “судебная контрреформа” не совсем удачно, поскольку основные принципы и институты судебной реформы: гласность, независимость суда от администрации, суд присяжных, адвокатура и т.д., – были сохранены в России, хотя и в несколько урезанном виде. В данном случае правомерно говорить о степени ограничения нового суда, но не о контрреформе»²³. Л.Г. Захарова, не отрицая, что судебная контрреформа предусматривалась, также считала, что она не была проведена²⁴. Аналогичную позицию занимала В.А. Твардовская. Она писала, что “борьба самодержавия против самой последовательной из буржуазных реформ так и не привела к победе”²⁵.

П.А. Зайончковский полагал, что мероприятия, проводимые в судебной сфере в 70–80-е годы XX в., следует рассматривать в качестве отдель-

²¹ См.: Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // Правоведение. 1985. № 4. С. 90.

²² См.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М., 1968; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978; Афанасьев А.К. Суд присяжных в России: (Организация, состав и деятельность в 1866–1885 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978 и др.

²³ Афанасьев А.К. Указ. соч. С. 33.

²⁴ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 163.

²⁵ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 252. И.В. Оржеховский также считал, что самодержавие не осмелилось пойти на коренные изменения Судебных уставов 1864 г. (см.: Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX в. Горький, 1974. С. 165).

ных самостоятельных преобразований, а не единой политики, которую можно было бы охарактеризовать в качестве судебной контрреформы²⁶.

Вообще для представителей школы П.А. Зайончковского было характерно убеждение, что целостную судебную контрреформу должна была подготовить Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, созданная под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева, действовавшая с 30 апреля 1894 г. по 5 июля 1899 г. Однако работа Комиссии Н.В. Муравьева не привела к созданию новых Судебных уставов. Следовательно, идея судебной контрреформы оказалась нереализованной.

В дискуссии о “судебной контрреформе” позиция историков также не являлась безупречной – критикуя культивируемый юристами термин “судебная контрреформа”, они не сумели создать собственной концепции, объясняющей изменения судебного законодательства в 70–80-е годы XIX в. Таким образом, в историко-юридической литературе рассматриваемого периода не было единого взгляда на судебное законодательство 70–80-х годов XIX в., а дискуссия между сторонниками и противниками Концепции судебной контрреформы в советской историографии зашла в тупик.

В зарубежной историографии также нашел отражение вопрос о судебной контрреформе. Английский историк Б. Парес в книге “История России”, вышедшей в Лондоне еще в 1949 г. (т.е. до того, как в Советском Союзе была сформулирована концепция судебной контрреформы), высказал мысль, что судебные преобразования в 70–80-е годы XIX в. были проведены лишь за счет принятия различных временных актов, не затронув при этом самого законодательства 1864 г.²⁷ Таким образом, Б. Парес (если оперировать понятиями была или не была проведена судебная контрреформа в России) стоял на позиции, что идея контрреформы имела место, но она не была реализована на практике.

По мнению Т. Тарановски, Александр III не был согласен с принципами Судебной реформы 1864 г. и предпринимал конкретные шаги по борьбе с наиболее радикальными нововведениями, однако разрушить систему правосудия, созданную Судебными уставами 1864 г., не получилось²⁸. Схожую позицию занимает и Х. Уилан, полагаю-

щий, что судебная контрреформа планировалась, но на практике проведена не была²⁹.

По отношению к вопросу о судебной контрреформе некоторые ученые, как было верно отмечено Н.М. Корневой в статье “Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии”, изначально являясь сторонниками данной концепции, в целом не были последовательными в своих взглядах³⁰. Так, Н.А. Троицкий, с одной стороны, занял позицию, близкую Б.В. Виленскому, утверждая, что мероприятия, направленные против Судебных уставов 1864 г. “совокупно контрреформировали основные принципы судебной реформы, ее важнейшие институты”, но, с другой стороны, ученый считал, что “полностью зачеркнуть и выбросить все демократические установления 1864 г. могла бы Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, которая работала в 1894–1900 гг. под руководством Н.В. Муравьева, если бы ей удалось осуществить задуманный пересмотр”³¹. Следовательно, можно говорить о сближении позиции Н.А. Троицкого со школой П.А. Зайончковского.

Аналогичным образом Н.Н. Ефремова, являясь сторонницей концепции судебной контрреформы, полагает, что контрреформа должна была быть проведена Комиссией Н.В. Муравьева, но этому помешал общественный подъем³².

Вопрос о судебной контрреформе сохранил дискуссионность и в настоящее время. Характерной чертой постсоветской историографии судебной реформы стал отход от идеологизированности и жесткого следования марксистской методологии, присущих исследователям советского периода. Одним из проявлений этого является очередной, но уже качественно иной виток дискуссии между сторонниками и противниками концепции судебной контрреформы. Для современных сторонников концепции судебной контрреформы характерно более взвешенное, деидеологизированное и осторожное употребление этого термина.

Характерна в этом контексте эволюция взглядов М.В. Немытиной. Так, будучи приверженцем

²⁶ См.: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 239, 240, 258–261.

²⁷ См.: Pares B. A history of Russia. L., 1949. P. 415.

²⁸ Taranovsky T. The aborted counterreform: Murav'ev Commission and the judicial statutes of 1864 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1981. Bd. 29. H. 2. S. 164.

²⁹ См.: Whelan H. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and counter-reform in late imperial Russia. New Brunswick, 1982.

³⁰ См.: Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии. С. 87, 88.

³¹ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 50, 51.

³² См.: Ефремова Н.Н. Указ. соч. С. 86. Взгляды Н.Н. Ефремовой на судебную контрреформу подробно были проанализированы Н.М. Корневой (см.: Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии. С. 87, 88).

концепции судебной контрреформы в 80-е годы XIX в.³³, она в середине 90-х годов практически от нее отказывается. В работе “Российский суд присяжных” констатируется, что термин “судебная контрреформа” используется рядом исследователей, но сама автор как бы отстраняется от него, не высказывая собственной позиции по проблеме³⁴.

В конце 90-х годов М.В. Немытина в монографии “Суд в России: вторая половина XIX–начало XX в.” и в своей докторской диссертации вновь возвращается к концепции судебной контрреформы. При этом автор исходит из посылки, что «к законодательству, принятому в дополнение к судебным уставам, термин “судебная контрреформа” применим лишь в том случае, если он характеризует обратное реформе по сущностным характеристикам преобразование. Учитывая, что в политике правительства демократические и реакционные тенденции пересекались, важно выяснить периоды преобладания одной тенденции над другой»³⁵. Основываясь на изучении законодательства 1864 г., его изменений и дополнений, М.В. Немытина приходит к выводу, что все же судебная контрреформа была проведена в России.

С.Ю. Заводюк, изучая судебную реформу 1864 г. в Среднем Поволжье, пришла к выводу, что “изменения в судебном законодательстве незначительно повлияли на реальную деятельность новых судебных установлений в регионах. Основные принципы и институты судебной реформы: гласность, независимость суда от администрации, суд присяжных, адвокатура и т.п., – были сохранены, хотя и в несколько урезанном виде”³⁶. Таким образом, и в 90-е годы XX в. С.Ю. Заводюк выдвигает старые аргументы историков против концепции судебной контрреформы: контрреформа не была проведена, так как сохранились многие институты, предусмотренные Судебными уставами 1864 г.

В диссертации О.В. Буйских в очередной раз ставится под сомнение, правда в данном случае на основе исследования проведения судебной реформы в Вятской губернии, “правомерность характеристики факта пересмотра Судебных уста-

вов 1864 г. как судебной контрреформы”³⁷. Автор полагает, что “отказ от прогрессивных принципов и правовых институтов судебной реформы... должен интерпретироваться не как контрреформа (как стремление повернуть развитие вспять), а как стремление сгладить несоответствие между новыми правовыми институтами и реальной действительностью”³⁸. Обратим внимание, что О.В. Буйских предпринял одну из первых попыток выйти за рамки дискуссии факта “была/не было” судебной контрреформы, а попытался иначе интерпретировать сущность судебных преобразований изучаемого периода.

В целом же и в современной литературе по вопросу о судебной контрреформе происходит определенное противостояние юристов и историков. Вновь первые опираются на изучение законодательства, формально-юридический анализ документов, вторые оперируют конкретно-историческим, в том числе региональным, материалом. Названное противостояние носит, конечно, условный характер. Большинству же, как юристов, так и историков ясно, что появление Концепции судебной контрреформы во многом было обусловлено идеологическим фактором³⁹.

По нашему мнению, дискуссия о судебной контрреформе уже давно исчерпала свой позитивный потенциал, и нужно под иным углом зрения посмотреть на судебные преобразования 70–80-х годов XIX в. Полагаем, что этот период следует рассматривать как время кризиса пореформенной российской судебной системы. Обратим внимание, что понятие “кризис” носит не аксиологическое, а сущностное значение. Кризис – это период трансформации, перехода из одного качественно-го состояния в другое⁴⁰.

³⁷ Буйских О.В. Судебная реформа в Вятской губернии (60–80-е гг. XIX века). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 1999. С. 22.

³⁸ Там же. С. 129.

³⁹ См., например: Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность? // Росс. юстиция. 2001. № 9. С. 42. Кстати, будучи юристом, А. Смыкалин, тем не менее, стоит на позициях, близких Московской исторической школе П. Зайончковского. Так, говоря о законодательных изменениях после судебной реформы 1864 г., он пишет, что “речь может идти лишь об отдельных преобразованиях, не затрагивающих основ судебной реформы” (С. 45).

⁴⁰ В словарях в качестве одного из определений понятия “кризис” приводится: “Кризис (от греч. *krisis* – решение, поворотный пункт, исход), 1) резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние...” (Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1998. С. 593; Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 260).

³³ Немытина М.В. Указ. соч.

³⁴ Немытина М.В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 10, 11.

³⁵ Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX–начало XX в. Саратов, 1999. С. 71.

³⁶ Заводюк С.Ю. Судебная реформа 1864 года. На материалах Среднего Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. С. 140.

Можно выделить три группы причин кризиса российской судебной системы: политические, юридические и ментальные.

В советской историографии основной упор делался на причины политические: рост революционного движения и все вытекающее отсюда последствия (например, политические процессы 70–80-х годов XIX в.)⁴¹; противоречия между буржуазным характером реформ и самодержавием, между феодальными и капиталистическими отношениями⁴², а также противоречия внутри самого буржуазного способа производства, выявившиеся к концу 70-х – началу 80-х годов в противоречиях между буржуазией и пролетариатом, приведшие к необходимости объединения либерального лагеря с правительственным⁴³.

Именно политические причины считались главными причинами судебной контрреформы. Несомненно, они играли важную роль. Так, непредсказуемость решений присяжных по делам, носящим политический оттенок, не отвечала стремлениям правительства обеспечить порядок в стране. Естественно, правящие круги постарались изъять из ведения суда присяжных такие преступления, как сопротивление властям, убийство и покушение на убийство должностных лиц и т.п. 9 мая 1878 г. был принят Закон, временно изъывший из компетенции присяжных заседателей преступления такого рода. Причем названный закон совершенно обоснованно считается в историко-юридической литературе следствием оправдания Веры Засулич Санкт-Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей в апреле 1878 г.

При этом политическими причинами нельзя, однако, объяснить изъятие из ведения суда присяжных мелких краж со взломом, паспортных преступлений и т.д. и передачу их мировому суду.

Что касается зарубежных ученых, то некоторые из них также выдвигают на первый план политические причины судебных преобразований в России в пореформенный период. В частности, Т. Тарановски считает, что в основе ряда законодательных актов, изменивших Судебные уставы 1864 г., лежало стремление восстановить “более

традиционные модели русского абсолютизма”⁴⁴. В свою очередь, У. Вагнер полагал, что в основе политики судебных преобразований была несовместимость базовых принципов судебной реформы с имеющейся социально-политической системой иерархического и патриархального государства, где правительство и администрация привыкли действовать, не считаясь с законом, а вносимые в законодательство новеллы были направлены на расширение и усиление правительственного контроля над правосудием в целях обеспечения общественного порядка и политической стабильности в стране⁴⁵.

Не менее важными причинами, приведшими к кризису пореформенной судебной системы, являлись, на наш взгляд, причины юридические: несовершенство российского законодательства, мешавшее нормальному функционированию судебной системы. Сюда можно отнести несоответствие материального и процессуального права (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) Судебным уставам 1864 г.⁴⁶; неудачный состав Временных комиссий, составлявших списки присяжных заседателей, наличие “служебного ценза” и неравномерность имущественного ценза для присяжных заседателей; не вполне удобная процедура принятия присяги заседателями; создание института почетных мировых судей; непроработанность положений о суде с сословными представителями, нечеткость ряда формулировок закона и др.

Названные выше и другие недостатки, выявленные практикой, осложняли работу судебных учреждений, приводили к сбоям в их функционировании. В этой ситуации неизбежным было принятие ряда нормативных актов, направленных на совершенствование законодательства, что и было сделано в период кризиса российской судебной системы 70–80-годов XIX в.

Еще одну группу причин, приведших к кризису судебной системы, составляли причины ментальные (или социокультурные). Именно они являются определяющими, именно на их основе приобретают весомость и значимость остальные причины. Ментальные причины кризиса стали следствием несоответствия российского менталитета характеру введенных “сверху” некоторых

⁴¹ См.: Виленский Б.В. Указ. соч. С. 232. Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 54; Ефремова Н.Н. Указ. соч. С. 110; Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX в. (1866–1879). Дисс. ... канд. ист. наук. С. 19; Ишуклов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Уфа, 1979. С. 83.

⁴² См.: Корнева Н.М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии. С. 89.

⁴³ См.: Кузнецова Е.Н. Указ. соч. С. 5, 9.

⁴⁴ Taranovsky T. Op. cit. S. 164.

⁴⁵ См.: Wagner W. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century. A study in inconsistencies // Slavonic and East European Review. L., 1976. Vol. 54. № 3. P. 391, 392.

⁴⁶ Особое внимание на это обращал В.К. Случевский (см.: Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. СПб., 1891. С. 4).

западноевропейских правовых институтов (в первую очередь суда присяжных).

Во Всеподданнейшем докладе министра юстиции Н.В. Муравьева, утвержденном 7 апреля 1894 г., отмечалось, что судебная реформа 1864 г. “имела и отрицательную сторону, а именно: несоответствие некоторых ее начал особенностям нашего государственного и общественного быта”, благодаря увлечениям составителей Судебных уставов 1864 г. теоретическими построениями и западноевропейскими образцами Россия “получила весьма стройный процессуальный кодекс вполне пригодный для действия в любом государстве Западной Европы, но недостаточно приспособленный к условиям нашего Отечества с его историческим складом и сравнительно редким разнородным населением, стоящим на далеко не одинаковой ступени развития”⁴⁷. Н.В. Муравьев утверждал, что “опыт применения судебных уставов выяснил, что многие из перенесенных к нам процессуальных начал и принципов вовсе не отвечают нашим нуждам и потребностям, а другие требуют серьезной переработки и согласования с условиями нашего быта”⁴⁸.

Следует согласиться с А.С. Ахиезером, полагающим, что “те проекты реформ, которые предлагались в России, часто вступали в конфликт с культурой основной части общества, его большинства. Попытки реформ вызывали некоторые формы массовой реактивности, которые создавали для контрреформ психологические, культурные и социальные условия. Они приводили к повороту общества назад, если замысел реформы считать движением вперед”⁴⁹.

В свою очередь, И.А. Ильин совершенно справедливо отметил, что “никакая правовая и политическая реформа не может сама по себе переделывать психику человека, привыкшего пассивно покоряться и скрежетать и не знающего, что истинное самоуправление вырастает только из глубины свободной и уважающей себя воли”⁵⁰.

Несоответствие российского менталитета характеру и форме ряда новых институтов должно было привести либо к изменению законодательства, либо к изменению менталитета. Последнее в короткий промежуток времени практически не-

возможно, поэтому в 70–80-е годы XIX в. было изменено законодательство.

Далеко не всеми понималось (и, к сожалению, не всеми понимается и сегодня), что ментальность народа имеет огромное значение для принятия того или иного законодательного нововведения. Примечательно, что французский историк К. Кардонн еще в 80-е годы XIX в. объяснял, например, причину излишней мягкости присяжных ко многим преступлениям национальными чертами русского народа⁵¹, т.е. особенностями его менталитета.

В Англии, где суд присяжных и мировой суд органично развивались на протяжении нескольких столетий в XIX в. даже речи не могло быть об их упразднении. В России же разговоры об отмене суда присяжных шли полным ходом и в правительственных кругах, и в периодической печати, а основная масса населения относилась к проблеме с полным равнодушием⁵². Активность противников суда присяжных (часто ставших противниками из-за того, что этот институт в России не отвечал их собственным представлениям о нем, полученным в Европе) привела к тому, что во время кризиса были приняты не только меры, положительно влиявшие на развитие этого института, но и меры, отразившиеся негативно на его деятельности (например, было ограничено право немотивированного отвода присяжных сторонами). Что касается мирового суда, который достаточно быстро и, как изначально казалось, прочно вошел в российскую судебную систему, был положительно воспринят многими слоями общества, то его практически повсеместно упразднили в 1889 г., заменив административно-судебным институтом земских участковых начальников, менее эффективным, чем мировой суд, однако более соответствующим российскому менталитету.

Изучавший практическую деятельность российских мировых судов Т. Пирсонс пришел к выводу, что вопреки устоявшемуся мнению мировым судьям не удалось обеспечить в сельской местности задуманный судебной реформой 1864 г. правопорядок. Ученый пишет о “провале” мировых судов и объясняет это причинами ментального характера. По его мнению, западноевропейские модели были введены в традиционном общест-

⁴⁷ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 221.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ахиезер А.С., Пригожин А.П. Культура и реформа // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 38.

⁵⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1994. С. 187.

⁵¹ См.: Cardonn C. L'empereur Alexandre 2. Paris, 1883. P. 226.

⁵² Исследуя правосознание различных слоев российского общества на рубеже XIX – начала XX в., В.А. Буков пришел к выводу, что суду присяжных не было места в правосознании основной массы российского населения (см.: Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 200).

ве, привыкшем к прямому администрированию, а введение института земских участковых начальников, заменивших мировой суд, более соответствовало потребностям российского общества. Что касается контрреформ, то они были направлены на ликвидацию административного и правового хаоса в губерниях, а также на улучшение качества управления при ограниченном количестве персонала⁵³.

Итак, кризис российской судебной системы в 70–80-е годы XIX в. был вызван не какой-либо одной, а совокупностью ряда причин (политических, юридических, ментальных), важнейшее место среди которых занимали причины ментальные.

“Кризисное” законодательство развивалось в нескольких направлениях. С одной стороны, принимались нормативные акты, направленные на развитие⁵⁴ и совершенствование действующего

законодательства, ведущие к повышению эффективности правоприменительной практики. При этом далеко не все меры, как было задумано законодателем, приводили к положительному эффекту, с другой – были приняты законы, противоречащие интересам правосудия, ограничивающие некоторые демократические принципы Судебных уставов 1864 г., однако направленные на приспособление законодательства к особенностям государственного и общественного строя.

Подводя итоги, отметим, что к настоящему времени концепция судебной контрреформы, сыгравшая в 60–90-е годы XX в. важную роль в изучении российского правосудия, несколько устарела, а когда-то плодотворная дискуссия между сторонниками и противниками данной концепции зашла в тупик.

Более перспективной нам представляется концепция кризиса российской судебной системы 70–80-х годов XIX в., который следует рассматривать в качестве переходного периода из одного качественного состояния в другое: от модели Судебных уставов 1864 г., во многом умозрительно составленных их авторами, к судебному законодательству, реально приспособленному к российскому государственному строю и соответствующему российской ментальности.

⁵³ См.: *Pearson T.* Russian law and rural justice. Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 69–71.

⁵⁴ У. Вагнером верно было отмечено, что в пореформенный период мощное развитие получило гражданское право – юрисдикция судов по гражданским делам постоянно расширялась. Эти судам оказались подсудны наследственные и некоторые семейные дела, дела, связанные с залогом, деятельностью акционерных компаний и трестов, трудовых конфликтов и др. (см.: *Wagner W.* *Op. cit.* P. 390).